

Трудность, которую вызывают правила правописания *-Н-* или *-НН-* в причастиях и прилагательных, вызвана весьма существенными преобразованиями морфологической системы русского языка на протяжении последних десяти веков его письменной истории. Морфологические преобразования сопровождались развитием синтаксических моделей, поэтому вторые не всегда служат абсолютным критерием определения первых.

Так, имеются два аргумента против признания зависимых слов надежным признаком определения части речи (прилагательного или причастия от глагола). 1) Совершенно очевидно, что зависимые слова могут появляться и при прилагательных: *готовый к бою солдат*. Добавление зависимых слов не влечет за собой переход прилагательного в причастие. 2) «Бывают... случаи, когда зависимое слово не является признаком причастия. Напр., следует писать: *у него усики явно крашенные* (ср. *явно искусственные*, где слово *явно* употреблено при прилагательном); *стены, раньше белёные, теперь покрыты зелёной краской* (ср. *стены, раньше белые*).» («Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник». М., 2009. С.90-91.)

Там же (с. 90-91) приводятся два типа сочетаний: *груженная баржа, жареная рыба, писаная красавица, стриженные волосы, крашенные скамейки, метеный пол, белёные стены, считанные минуты, сделаное равнодушие и желанный, жданный, выданное ли дело? слыханное ли дело? надёванный, разлитое море, невиданный, неслыханный, нежданый, нежданый, ненадеванный, неожиданный, неслыханный, нечаянный, дреманное око, долгожданый, доморощенный, Андрей Первозванный*. О стилистическом ограничении образований типа *званный (ужин)* свидетельствует написание этого слова через *-нн-* в Евангелии от Луки, гл. 14, ст.17 и 24 в другом сочетании — *званные (мужи)*. По-славянски (в упрощенной гражданской орфографии): «...и посла раба своего въ годъ вечера рещи *званнымъ: грядите, яко уже готова суть вся... глаголю бо вамъ, яко ни единъ (изъ) мужей тѣхъ званныхъ вкуситъ моя вечера: мнози бо суть звани, мало же избранныхъ*». В синодальном переводе: «...и когда наступило время ужина, послал раба своего сказать *званным: идите, ибо уже все готово. ... ибо сказываю вам, что никто из тех званных не вкусит Моего ужина: ибо много званных, но мало избранных*». Здесь *-нн-* — единственно возможное написание, так как требуется выразить залоговые отношения.

Как видим, известные трудности, связанные со стилистической и символической значимостью, имеются и при употреблении форм на *-н-/нн-* без зависимых слов, особенно бесприставочных.

Исторически исходной и для прилагательных, и для причастий, является краткая форма. Она совпадает со склонением имен существительных, поэтому иначе называется именной, ср. *книг-а интересн-а, книг-а прочитан-а*. Это обстоятельство служит причиной того, что начинать рассуждения об *-н-* и *-нн-* целесообразно с кратких (именных) форм. В их правописании действует вполне логичное и исторически оправданное правило: в причастиях пишется одна *н*, в прилагательных — две. Второе *-н-* есть не что иное, как образовательный суффикс имени прилагательного: *воспитана* (причастие от глагола *воспитать* во всех контекстах), *воспитанна* (прилагательное от причастия *воспитан* во всех контекстах). Формы типа *воспитан* вместо *воспитанен составляют исключение, но исключение это не орфографическое, а словообразовательное, точнее

морфонологическое: если последовательно рассуждать, можно усмотреть в словоформе *воспитан*, помимо нулевого окончания, еще и нулевой суффикс прилагательного. Складывается ситуация трех разновидностей суффикса прилагательного: *-ен-* — «сильной» разновидности с «беглой» гласной; *-н-* — «слабой» разновидности без таковой гласной и нулевой разновидности с материально не представленным суффиксом. Это исчезновение распространяется даже на некоторые прилагательные, образованные от неглагольных основ: *беспочвен(ен)*, *болезнен(ен)*, *искусствен(ен)*, *мужествен(ен)*, см. Розенталь Д.Э. «Справочник по правописанию и литературной правке» (М., 2003. С. 221). Но в случае с такими прилагательными удвоенный суффикс все равно остается выраженным в одиночном «сильном» виде *-ен-* вместо удвоенного **-ен-н-* («сильного», усиленного тем же «слабым»).

В специальном «Орфографическом словаре русского языка: Одно или два Н?» И.К. Сазоновой (М., 1998) статьи о кратких формах в разделе «О построении словаря» оказываются самыми объемными: «10. Причастия и прилагательные, совпадающие по написанию в полных формах, но различающиеся по написанию в кратких формах (одно *н* у причастий и два *н* у прилагательных), даются отдельными словарными статьями, при этом причастие и прилагательное подчеркнуты, например: **умеренный**, прич. и **умеренный**, прил. <...> 11. Если причастие может употребляться в значении прилагательного, в том числе в кратких формах (с одним *н*), это отмечается после пометы прич. словами: также в знач. прил. (только полные формы). Употребление омонимичных причастиям прилагательных только в полных формах в словаре также специально отмечается после грамматической пометы, например: **завершённый**, прич.; прил. (только полные формы)» (с.5-6). Омонимичными считаются такие употребления, в которых не выражены залоговые отношения. В словарных статьях даются типовые контексты. Наглядно видно, что второе *-н-* в многочисленных формах, образованных в конечном счете от глагола, обозначает прежде всего прилагательное. Поскольку далеко не очевидно, что прилагательное производно (семантически и синтаксически) от причастия, оно объявляется омонимичным причастию. Здравый смысл и, по всей видимости, реальная история, подсказывают, что дело обстояло прямо противоположным образом: сначала образовались прилагательные от причастий (*завершённый* вообще, от *завершен*), а затем они обрастали зависимыми словами и залоговыми отношениями (*завершённый кем-то*). Исторически производящими являются причастия в именной форме, производными — относительные прилагательные (лишь в редких случаях развивающие вторичные качественные значения), которые употребляются в производной же местоименной форме. Этому объективно противоречит положение «если причастие может употребляться в значении прилагательного». Скорее наоборот: прилагательное может «обрастать» зависимыми словами и вновь сблизиться с причастием.

Благодаря другому словарю (Сазонова И.К. Толково-грамматический словарь русского языка. Глагол и его причастные формы. 2500 глаголов. 7500 причастий. М., 2002), можно получить представление о количественном соотношении трудных форм. В этом словаре отмечаются все возможные причастные образования. Причастий страдательного залога прошедшего времени с *-нн-* (или, если имеются только краткие формы, то с *-н-*) при глаголах на буквы от А до К включительно насчитывается 450. Это примерно половина всего объема словаря — следовательно, выборка надежна. Среди этих причастных форм 246 либо употребляются также и в значении прилагательного, либо сопоставляются с омонимичными прилагательными. Имеются в виду контексты типа *автоматизированное предприятие*, *автоматизированный процесс изготовления кинескопов*,

либо выступление Смирнова было кратко и аргументированно. Иначе говоря, вполне уверенно можно утверждать, что **каждое второе производное отглагольное образование на -нн- употребляется не только как причастие, но и как прилагательное**. Отдельно причастий с омонимичными (по И.К. Сазоновой) прилагательными среди 246 насчитывается 95, то есть каждое 4—5-е причастие косвенно признается производным от прилагательного. Этот факт языка заставляет задуматься, стоит ли настаивать на признаке причастности, чтобы научиться правильно писать -нн- в отглагольных образованиях. Сомнения усиливаются, когда привлекаются формы на *-ованный, -ёванный* (то прилагательные, то причастные) и на *-ственный* (всегда прилагательные).

В этом же словаре выделяются еще и особые «стативные лексические значения причастных форм», то есть такие, которые «выражают непроцессуальный признак, значение состояния, результата действия». Они «не выражают грамматического значения страдательности, а краткие их формы не имеют значения пассива» (с. 16), но они не переходят в прилагательные (точнее было бы сказать: они тяготеют к причастному значению в кратких формах и не употребляются в этих формах как простые прилагательные), например: *Олег, совсем не расположенный к своей новой знакомой, был угрюм и неразговорчив. Она не расположена к нему*. Таких причастий со стативными лексическими значениями, которые бы при этом не переходили в прилагательные, от А до К насчитывается 15, причем обычно (за исключением четырех) только в краткой (именной, то есть своей собственной исконнопричастной) форме: *взвешен, восхищён, вписан, врезан (и врезанный), вынужден, выраженный, гарантирован, заинтересован, заключен (и заключенный), заражен, заряжен, изолирован, изумлен, искушен (и искушенный), исполнен (и исполненный)*. Поскольку полные (производные местоименные) формы, за исключением четырех упомянутых, употребляются и в значении прилагательных, мы не причислили к группе глаголов с причастиями и одновременно прилагательными на -нн- только эти 4 случая. Отметим, что проблема стативных лексических значений причастных форм сугубо академическая. С точки зрения школьной грамматики требуется однозначный ответ: либо это причастия, либо это прилагательные. Слова *врезанный, заключенный, искушенный* и *исполненный* суть яркие, но наиболее трудные в понимании примеры таких причастий, которые образованы по модели прилагательных. Сомнения может вызвать слово *искушенный*. В «Большом толковом словаре русского языка» (СПб., 1998) оно подается без зависимых слов как прилагательное с толкованием 'опытный, хорошо разбирающийся в чем-л.' (*искушенный охотник*).

Нынешние краткие прилагательные в своем употреблении ближе к глаголу, чем к полным прилагательным, поскольку в предложении они занимают глагольную синтаксическую позицию основного сказуемого. Ср. *елка украшена как елка нарядна, украшенная елка... как нарядная елка...* В действительном залоге: *мама украсила елку*. Определение входит в понятие, поскольку называет присущий ему признак и не образует самостоятельного суждения; сказуемое же не входит в понятие подлежащего и образует такое суждение, в котором, напротив, объем понятия подлежащего входит в объем понятия сказуемого.

Краткие страдательные причастия прошедшего времени в позиции сказуемого (точнее, именной части составного именного сказуемого) сохраняют лексическую семантику и сочетательные способности глагольного слова. Именно это *tertium comparationis* (позиция именной части составного именного сказуемого) и делает правило об -н- и -нн- в кратких формах простым, понятным и логичным.

Итак, правописание кратких форм удовлетворительно объясняется с опорой на причастия, правописание полных форм объясняется неудовлетворительно,

поскольку написание *-нн-* в формах, считающихся прилагательными, так же обычно, как и *-нн-* в формах, считающихся причастиями.

Однако нормативная практика правильного письма не должна меняться ни при написании кратких именных форм, ни при написании форм полных местоименных; может измениться или получить несколько вариантов только правильное объяснение этой практики — наподобие того, как одна и та же теорема имеет несколько способов доказательства. В нашем случае — школьное, академическое и историческое. Имеется в виду условное разделение грамматики на школьную, академическую и историческую. Школьная грамматика (*Schulgrammatik*) составляется так, чтобы возникало как можно меньше противоречий с письменной практикой. Это оправдано целями нашего среднего образования. Академическая грамматика изучает систему русского языка и предписывает его норму. Историческая грамматика объясняет происхождение и изменение во времени и в жанрах текстов форм русского языка. Академическая и историческая грамматика следуют научным, то есть критическим (по И. Канту) методом. Школьная грамматика следует догматическим методом (целесообразность и относительность вводимых правил не обсуждается). Так, форма *моясь* с точки зрения академической и школьной грамматики будет считаться деепричастием несовершенного вида, с точки зрения исторической грамматики — именной формой действительного причастия настоящего времени; *-сь* в ней с точки зрения академической (и в появившихся недавно вариантах школьной) грамматики считается постфиксом, с точки зрения школьной грамматики — частицей неотделяемой, а с точки зрения исторической грамматики — частицей, прежде отделяемой, восходящей к форме винительного падежа возвратного местоимения *себе*.

Нам представляется, что опора на категорию русского глагольного вида, относительно новую в нашем языке и еще продолжающуюся развиваться, не служит надежным средством при решении вопроса о количестве *-н-* при письме (в отличие, например, от квалификации деепричастия). Даже прекрасный свод правил, составленный по материалам Н.С. Валгиной и В.Н. Светлышевой на сайте *gramma.ru*, не является абсолютно безукоризненным в этом отношении. Так, в перечень «причастий», будто бы образованных от глаголов совершенного вида, вкрался пример *казненный*. Это причастие, образованное от двувидового (то есть «никакого», могущего употребляться как в значении совершенного, так и в значении несовершенного вида) глагола *казнить*. Тот факт, что на вид не обращают внимания в практике письма, несмотря на все усилия учителей и филологов-ученых, можно проиллюстрировать ошибками, собранными студенткой СПбГУ Л.И. Май для сочинения, участвовавшего в конкурсном проекте «Мое решение проблемы речевой культуры Санкт-Петербурга» в 2008 году, при просмотрах меню наших городских вполне респектабельных ресторанов и кафе (сохраняется орфография подлинника): (1) *Каре ягненка с запечеными баклажанами*. (2) *Лосось запеченый с сыром*. (3) *Филе лосося запеченое на подушке из жареного картофеля. Салат «Казанова» (150/5) шампиньоны жаренные, лук, сыр... ..говядина, картофель, огурец соленный, яйцо...* К сожалению, компьютерная программа не может различить случаи *-н-* и *-нн-* (как и многие другие!), поэтому простая проверка текста существующими корректорскими программами ничего не дает. Похоже, что составители меню смутно помнили правило, согласно которому в полных прилагательных пишется одна *н*, и им казалось (что вполне объяснимо исторически), что и в случае (1), и в случае (2), и даже в случае (3, ведь запятая не поставлена!) представлено имя прилагательное. Субъективное намерение авторов меню объяснимо попыткой «объективировать блюдо»: посетитель не должен думать, кем именно (и как именно — это профессиональная тайна) запекались

баклажаны или лосось. Опытный повар никогда не раскроет в меню своего полного рецепта. И культура русской речи приходит к нему на помощь, она позволяет без нарушений правописания соблюдать и гастрономическую культуру. Более того, *жареный картофель* и *соленый огурец* как обычные блюда могут быть более зримо противопоставлены *поджаренным шампиньонам* и *запеченному с сыром лососю* как особым деликатесам. Такое желание у составителей меню было, но подвело их недостаточное владение стилистическими, словообразовательными и орфографическими ресурсами русского языка

Исходя из школьной грамматики, рассмотренные выше краткие формы (и причастий от глаголов совершенного вида, и прилагательных) образуются от полных форм. Так же решает и академическая грамматика, составленная на строго синхронических основаниях: словарными формами имен прилагательных считаются не краткие, а полные формы именительного падежа единственного числа мужского рода. Между тем историческая грамматика, напротив, признает всякую полную форму (членную, местоименную) вторичной и производной от краткой формы (нечленной, именной). Это противоречие наслаивается и на правила орфографии, так как для полных форм они, в общем виде, формулируются прямо противоположным образом: в полных формах причастий пиши две **н**, в полных формах прилагательных — ...? Очень хочется «раз и навсегда» запомнить — одно **н**. Речь должна была бы идти о формах типа *посаженный (отец)*, *смышленный (мальчик)*, *названный (брат)*. Действительно, в ряде разговорных слов такая модель реализуется, но она пребывает на периферии литературной формы языка. Обычно же мы встречаемся с такими словоформами, как *востребованный*, *упраздненный*, *завершенный* и т. п. Важная лексико-словообразовательная зона литературного языка, которую уже никак нельзя отнести к разговорной периферии, заставляет делать примечания такого типа: «1. Некоторые отглагольные прилагательные пишутся в полной форме с двумя **н**, а в краткой — с одним **н**, например: *заплаканные глаза* — *глаза заплаканы*, *поношенное платье* — *платье поношено*. У этих прилагательных сохраняется значение глагольности, когда они употребляются в роли сказуемого, что поддерживается наличием приставки и значением совершенного вида. То же в сложных словах, например: *общепризнанное превосходство* — *превосходство общепризнано*. 2. Некоторые имена прилагательные допускают в краткой форме двоякое написание (с одним и с двумя **н**) в зависимости от своего значения и от состава конструкции, в которую они входят» (Розенталь Д.Э., Голуб И.Б. Русская орфография и пунктуация. М., 1990. с. 75-76). См. также: Валгина Н.С., Светлышева В.Н. «Орфография и пунктуация. Справочник» (М., 1993. с. 90-91) и др. справочники. Трудность заключается в непоследовательных грамматических определениях: как отличить причастие от отглагольного прилагательного? Но даже если это и известно, то «некоторые отглагольные прилагательные» оказываются по написанию неотличимыми от причастий. Представляется, что и без того сложный вопрос еще более усложняется: в примечаниях, подобных приведенному выше, не содержится реальных цитат из литературных произведений, но даются искусственные экспериментальные образования, провоцирующие ошибку (как надо было бы написать слово, если бы оно было употреблено в таком именно контексте?). Видно стремление считать прилагательные *заплаканный*, *поношенный*, *общепризнанный* качественными, в то время как в действительности они остаются относительными и не употребляются в кратких формах. Говорят: *глаза печальны*, *платье ветхо*, *превосходство признано всеми*. Разумеется, то, что трудно образуется, трудно и пишется. Более строго: грамматическая ошибка влечет за собой неразрешимый орфографический вопрос.

С точки зрения словообразовательной не только краткие формы с *-нн-*, но и полные формы с *-нн-* логично было бы отнести к разряду имен прилагательных, в данном случае — отпричастных (при условии, что исходной формой считается краткое причастие) прилагательных. Тот факт, что они входят в морфологическую парадигму глагола, прочно ассоциируются с ним в единой лексеме, подчиняются ее морфологическим категориям (вида и залога) и сохраняют его сочетательные свойства, конечно, заставляет академическую грамматику считать такие словоформы причастиями, но школьная грамматика в этом отношении, как кажется, может быть свободнее. Выражение «прилагательное по образованию и написанию, причастие по значению и употреблению» не должно вызывать протестов. Во всяком случае, на такой позиции находился еще Мелетий Смотрицкий, сведя все правило об *-н-* и *-нн-* в причастиях и прилагательных к простому принципу: в причастиях пишется одна **н**, в прилагательных — две.

Решение Мелетия Смотрицкого оправдано реальным положением дел в исторической грамматике.

Уже в памятниках письменности XI века встречаем варианты написания типа *благословеный* и *благословеньный*. К производящей основе добавляется суффикс *-ьн-*. Слова какой части речи образуются с его помощью? Преимущественно имена прилагательные. Суффикс этот не первообразный. Самый простой и исходный его вид *-н-* находим в словоформах типа *данъ*, *званъ*, *бранъ* (ср. *браная скатерть*). Их нельзя назвать причастиями страдательного залога прошедшего времени, поскольку они еще не развивают именно такое залоговое значение, а являются только отглагольными прилагательными. В древнейших рукописях и церковнославянских книгах сохранились и вовсе неизменяемые прилагательные типа *свободь*. Они оканчивались на сверхкраткий звук, который в благоприятных условиях и сейчас произносится как [э], на письме он изображался буквой **ь**, откуда старое название этой гласной — «ерь» (ее же новое название — «мягкий знак»). Если первообразный суффикс *-н-* присоединялся к таким основам имен прилагательных (не глаголов! подчеркнем это), то возникало уже вполне оформленное современное прилагательное. Оно изменяется по родам, числам и падежам, а также известно в краткой (именной) или полной (местоименной, поскольку склоняется как местоимение) формах: *свободь-н-ый*, *свободьнаго*, *свободьному* как *той*, *того*, *тому*. В этом слове произошло переразложение: гласный производящей основы **ь**, попав в соседство с суффиксом *-н-*, составил с ним единую морфему и в дальнейшем стал с ним прочно ассоциироваться как образовательный суффикс прилагательного *-ьн-*: *свободь-н-ый* > *свободь-ьн-ый*. В результате появился новый очень продуктивный суффикс имен прилагательных *-ьн-*. Гласный в его составе мы и сейчас произносим в благоприятных условиях: *свобод-ен*, *беспочв-ен-ен* (при удвоении суффикса). Следовательно, *-ьн-* > *-ен-//н-*, или, в более простой записи, *е//ноль звука*. Иными словами, в составе суффикса образовался «беглый **е**» — правда, чаще всего он не произносится: *опас-н-ый*, *длин-н-ый*, *дан-н-ый*. В конце концов он отложился в «сильной» (*-ен-*), «слабой» (*-н-*) и нулевой разновидностях. Основное и исторически исходное частеречное значение суффикса *-(е)н-* — принадлежность производного слова к классу имен прилагательных. Значение причастия, «причащение к глаголу» (по М. Смотрицкому), вторично.

Будучи присоединенным к кратким формам, этот суффикс сохраняется только в формах среднего и женского родов единственного числа и формах множественного числа: *девочка воспитан(ь)на*, *дети воспитан(ь)ны*. Но вместо того чтобы говорить мальчик **воспитанен* (с «беглым **е**»), мы говорим и пишем *мальчик воспитан*. Здесь еще не стоит вопрос, к какой части речи следует относить все эти формы: к прилагательному или к глаголу в его особой форме — причастию. Но трудность

появляется уже в кратких формах. Сопоставим рассматриваемые словоформы с формами *сильна, сильны, силен*. Сомнений в том, что это имя прилагательное, нет. В нем образовательный суффикс представлен как *-ьн-* или *-ен-*. С мягким знаком, как и в древних рукописях, сейчас он пишется только после согласной *л* в связи с исключительной способностью соответствующего звука [л'] всегда сохранять мягкость. В остальных случаях, в том числе и после *н*, мягкий знак (бывший *ерь*) уже не записывается: *крас-н-ый, страш-н-ый, сон-н-ый, длин-н-ый*.

Уже у Я.К. Грота формулировка правила об *-нн-* антиисторична. Вместо того, чтобы усилить представление о морфемном шве *-н-(ь)н-*, показав самостоятельную морфемную сущность второго *-н-*, он излагает это правило в разделе «Удвоение согласных», подчеркивая чистоту фонетический подход: «Цель этого начертания показать, что при артикулировании звука должно произойти его удлинение... В русских словах... удвоение бывает либо *этимологическое*, то есть основанное на происхождении, или составе слов, либо *фонетическое*, то есть требуемое только произношением» (Грот Я.К. Русское правописание. Изд. 20-е. СПб., 1912. С. 70-71). К этимологическому удвоению, по Гроту, относятся только случаи типа *в-вести, беззаботный, кон-н-ый*. Отглагольные образования с *-нн-* и *-н-* отнесены к фонетическому удвоению.¹ «Подсказка» Грота будущим поколениям кодификаторов оказалась неудачной. В наше время подход принципиально не изменился: «Двойное *н* пишется во всех прилагательных, образовавшихся из страдательных причастий прошедшего времени (или по их типу), если эти прилагательные имеют приставки либо оканчиваются на *-ованный, -еванный*» (Правила русской орфографии. Тула, 1995 [= М., 1956.]. С. 32).

Происхождение форм на *-нный* связано с книжно-славянскими текстами. Это такие же церковнославянизмы, как формы на *-щий* типа *висящий* (ср. собственно русское *висячий*). Данное обстоятельство полезно учитывать так же, как, скажем, учитывается славяно-русское чередование типа *ра//оро* при объяснении правописания безударных гласных, ср. *страна — сторона*.

В древних текстах каждая словоформа воспринималась скорее как часть синтагмы, а не часть парадигмы. А если славяно-русский текст был переведен с греческого, то многочисленные словоформы просто представляли собой поморфемный перевод соответствующих греческих словоформ, без какого бы то ни было их соотнесения с уже имеющимися в славянском языке глаголами. По синтаксической позиции (с зависимыми словами или без них) огромное большинство полных (местоименных) словоформ **совпадало** с именами прилагательными (ведь определение, пусть и обособленное, — это позиция прилагательного), хотя бы эти словоформы и были произведены в конечном счете от глагола. И хотя они складывались не всегда так, как слова **безбрежный, заглавный**, то есть не конфиксальным (по иной, менее точной терминологии — приставочно-суффиксальным) способом, общий признак — **одновременное** наличие и приставки, и суффикса — у них есть. При этом исходные бесприставочные глаголы либо неизвестны (**празднить — упразднить — упраздненный*), либо употребляются в другом значении (*твердить, но утвердить — утвержденный; душить, но надушить — надушенный*). Иногда в другом значении употребляются и соответствующие приставочные глаголы (*дать — предать* кого, но *преданный* 'верный') Сами производные прилагательные теряют связь с производящим глаголом, ср. *отвлечь* и *отвлеченный, смясти* (устаревшая форма) и *смятенный*. Иными словами, с точки зрения исторической грамматики называть словоформы типа *прочитанный* прилагательными тоже не было бы большой ошибкой.

Краткие формы причастий обоих залогов исторически лучше сохраняли причастные свойства: эти формы либо оставались в позиции основного сказуемого (*читаем, читан*), либо переходили в деепричастия (то есть в абсолютные причастия), выполняя функции второго сказуемого (*читая, читав*). Полные (местоименные) формы вторичны, они сложились по образцу местоимений и местоименных прилагательных. *Онъ : оный = тѣ(тѣ) : той = добръ : добрый = читанъ : читаный*. Добавление еще одного суффикса *-ьн-* хорошо соответствовало обычной для имени прилагательного определительной позиции, в которой закрепились местоименные формы.

Повседневная речевая практика позднейших эпох и наша современность требуют даже в школьной грамматике мыслить парадигматически. Это означает, что устойчивое сохранение глагольных свойств производных форм на *-нный* позволяет отождествлять в одном слове глагол *читать* и производную форму *читанный*; глагол *прочитать* и производную форму *прочитанный*. Именно благодаря регулярному образованию таких форм они вошли вторичным образом в систему причастий. Мы называем форму *прочитанный* или *читанный* причастием не по образованию, а по употреблению. Точно так же мы называем форму *висячий* прилагательным не по образованию, а по употреблению. В первом случае к суффиксу причастия *-н-* добавлен суффикс прилагательного *-н-*; во втором случае суффикс причастия *-яч-// -ящ-* специализировался в русской огласовке *-яч-* на прилагательных, в славянской огласовке *-ящ-* — на причастиях. Пары типа *читаный — читанный* приобрели в **принципе** то же свойство, что и пары типа *висячий — висящий, лежащий — лежащий, могучий — могущий*. Только в случае с действительным залогом осуществлялся переход причастия в прилагательное, а в случае со страдательным залогом — переход прилагательного в причастие, в результате *лежащий* (прилагательное) : *лежащий* (причастие) = *читаный*(прилагательное) : *читанный* (причастие).

---

1 Я.К. Грот, разумеется, имел представление о происхождении форм на *-ный* и на *-нный*, поэтому сразу вслед за квалификацией *-нн-* в формах типа *сделанный, представленный, снесенный, обреченный* как таких, в которых отражается фонетически удвоенное [нн], отражающееся на письме, он пишет: «Но такие причастия этой формы, которые употребляются в значении имен прилагательных или существительных (с утратою понятия времени и действующего лица «кем?»), не удвояют **н**: *вареный, жареный, граненый, сушеный, пряденый, раненый, суженый, береженный, ученый, смышленный, тканый, браный, званый, жданный* (так!), *названный; мороженое, приданое*. Подобные слова представляют конечно более древнюю, первоначальную форму, не принявшую позднейшего удвоения (именно эта идея Я.К. Грота и была положена в основу данной статьи. — Д.Д.); многие из них принадлежат преимущественно народному языку и встречаются в пословицах и поговорках, напр. *береженаго Богъ бережетъ; незванный гость хуже татарина; не ждано, не гадино*. Это слова — большею частью, но не исключительно беспредложные; по присоединению к ним предлога, придающего им значение причастия, они обыкновенно получают и двойное **н**, напр. *наученный, израненный, сотканный*. Некоторые ходят в двоякой форме (иногда с различным ударением), смотря по тому, имеют ли они значение прилагательного или причастия: *названный* (древ.) и *названный, положоный и положенный*, последнее — несмотря на то, что это — прилагательное с оттенком народности. Первое только в древнем сложении: *приданое* удерживает свою первоначальную форму с одним **н**. В существит. *подданный* удвоение **н** сохраняется. То же видим в прилагательных: *бездыханный, неустанный, окаянный*» (с.71-72).

Грамматика литературной формы современного русского языка вышла из церковнославянской нормы, поэтому на периферии системы оказались словоформы типа *лежачий, читаный*. Стилистический момент здесь очень важен: *беленый, вареный, крашеный* нельзя отнести к фактам высокого стиля. Эти формы остаются прилагательными. Даже приставка не влечет за собой морфологической парадигматической ассоциации с производящим глаголом: в словосочетаниях *посажённый отец,мышлённый ребенок, названый брат* определения выражены именами прилагательными, производными от глаголов *посадить, смыслить, назвать*, но не причастиями как их особыми формами. Народная речь вообще не знает атрибутивного употребления причастия. В живой устной речи произносят *тарелки убраны*, но не *убранные тарелки, скорее мы скажем *тарелки, что убраны* или *которые убраны*. Полные формы с *-нн-* употребляются в письменной речи.

Противоречие между правописанием *-н-* и *-нн-* в кратких и полных формах появляется оттого, что полные формы сделали еще один шаг в своем развитии. Они образовались как прилагательные, а употребляются в основном как причастия. Эта привычка их причастного употребления повлекла за собой общее правило придавать написанию с двумя **н** значение причастия.

Если сблизить школьную грамматику с исторической, то случаи образований на *-ованный, -ёванный, -ственный* попадут из исключений в правило. Образования типа *венчанный, сваренный* также не будут вызывать затруднений. Второе **н** показывает принадлежность слова к классу прилагательных. Контекст подскажет, когда прилагательное выполняет функцию причастия. В материалах сайта «Русский на 5» приводится список таких прилагательных: *данный, чванный, брошенный, желанный, купленный, виденный, деланный, жеманный, пленённый, лишенный, священный, читанный, отчаянный, чеканный, окаянный, неслыханный, невиданный, нечаянный, негаданный*. Слова от основ на *-н чван-, жеман-, чекан-* попали в этот список случайно: две **н** пишутся в этих прилагательных по другому правилу. Обратим внимание, что прилагательные из вышеприведенного списка восходят к глаголам обоих видов. Не слишком ли их много для «исключений»? И нельзя ли поступить по общему принципу «если в правиле слишком много исключений, то их надо постараться обобщить в одно правило»?

Если отглагольное прилагательное пишется с одним **н** (*топленый, раненый*), производная форма со вторым **н** может приобретать уже вторичное значение причастия. Сосуществование прилагательных без суффикса *-н-* и с таковым можно встретить не только от глаголов, но и от имен: (*одно*)*рукий — ручной, (дву)зубый — зубной*. Объяснение различий в парах *топленый — топлённый, раненый — раненный* останется, как кажется, единственным исключением.

Если это действительно возможно, то при написании подобных слов можно было бы рассуждать следующим (как представляется, вполне естественным) способом. Почему мы пишем *сгущенное (молоко) с -нн-*? Потому что это прилагательное, **образованное** от причастия (*молоко*) *сгущено*. Почему мы пишем *жареный (картофель) с -н-*? Потому что это причастие (*картофель*) *жарен, давшее производную* полную форму, которая употребляется как прилагательное, поскольку с трудом проникает в книжно-письменный стиль речи. Почему мы должны писать и пишем *запеченные баклажаны*? Потому что это прилагательное от причастия (*баклажаны*) *запечены*. Такие прилагательные с *-нн-* попадают в разряд **относительных**. Почему мы пишем *жаренный на масле (картофель) с двумя н*? Потому что от причастия *жарен* требуется образовать такое прилагательное, которое было бы способно еще и показывать степень качества, способ его получения, длительность, обстоятельства, субъект и т.д., связанные с его

жаренный умело (на сковородке, долго и на медленном огне, на кухне, мною) картофель. Зависимые слова, характерные для соответствующего производящего глагола, позволяют такое прилагательное **по употреблению** назвать причастием. Но это же прилагательное способно не только в письменной речи быстро переходить в причастие, но и попадать в разряд **качественных**, то есть прототипических, прилагательных. Ср.: *самый вкусный* и *самый жареный картофель*, *более вкусный* и *более жареный картофель*; постепенное изменение семантики зависимых от прилагательного слов делает границу «перехода» имени прилагательного в причастие практически неуловимой и отсылает определение этой границы к академической грамматике. Для школьной грамматики достаточно уяснить: словосочетания *очень жаренный, чересчур жаренный, неровно жаренный, долго жаренный, кое-как жаренный... картофель* содержат зависимые слова, не входящие в форму сравнительной или превосходной степени прилагательного. Совершенно определенно мы можем сказать об осуществившемся переходе прилагательного *жаренный* (так по историческому существу!) в причастие только при появлении зависимого слова, обозначающего семантический субъект, показывающий **страдательный** залог причастия: *жаренный хозяйкой картофель* — однако школьная грамматика поступает здесь радикально и догматически: всякое зависимое слово, не образующее форму степени сравнения прилагательного и совпадающее с тем же зависимым словом при глаголе, считается основанием для расценивания прилагательного (в нашем случае *жаренный*) как причастия, сближенного по употреблению (причастному) с формой приставочного прилагательного (только по образованию, в нашем случае *поджаренный*).

Образование отглагольных прилагательных с приставкой не только не отделяется от конфиксального образования отыменных прилагательных типа *безбрежный*, но иногда и может квалифицироваться равным образом как конфиксальное. В кулинарной терминологии есть отглагольное прилагательное *печеный* и другое, родственное ему прилагательное — *запеченный*. Оно с одинаковым успехом может быть произведено как от глагола *запечь*, так и непосредственно от прилагательного *печеный* при помощи конфикса *за-* ~ *-н-*; тогда связь с переходным глаголом *запечь* окажется вторичной. Косвенным образом возможность двойной мотивации подтверждается многозначностью глагольных приставок. В случае с приставкой *за-* есть образования *затасканный, заведенный, занесенный* и подобные, связанные с переходными глаголами движения. Со значениями глаголов *затаскать* 'начать таскать', *завести (за угол)*, *занести (книгу товарищу)* эти прилагательные никак не связаны, либо связаны во вторую очередь и совершенно искусственно, стилистически небезупречно. Так, вовсе не говорят и не пишут **затасканная с удовольствием ребенком игрушка*, иногда пишут в канцелярских документах **заведенный в детский сад ребенок*, **заношенные каждый день больному лекарства*, но такие выражения стоит признать канцеляризмами, которые не способствуют совершенствованию делового стиля русского языка. Зато говорят, полностью соблюдая и культуру речи, и системные требования русского языка, *бегать как заведенный, заношенный костюм*. Конечно, при появлении зависимых слов типа *мною* (*заведенная мною игрушка, заношенный мною любимый костюм*) следует считать эти прилагательные перешедшими в причастия, но такие причастия не образуются непосредственно от глаголов *завести, заносить* — они лишь соотносятся с ними и вторичным образом входят в их морфологическую парадигму. Сначала образуются краткие причастия (*завести игрушку — игрушка заведена, носить костюм — костюм ношен*), затем суффиксальным способом (*заведенный*) или при простом переходе в другую часть речи (*ношенный*)

производятся прилагательные, затем может вступать в игру еще и конфиксальный способ производства нового прилагательного (*заношенный*). Прилагательные *заведенный*, *заношенный* уже могут развивать при себе зависимые слова и вновь выполнять функции страдательных причастий прошедшего времени. Возникают вторичные мотивационные связи с глаголами *завести* (об игрушке), *завестись* (о человеке), *заносить* (о костюме), но они не совпадают со связями словообразовательными (связями реального словопроизводства).

Приведем ряд «двойных» прилагательных по «Грамматическому словарю русского языка» А.А. Зализняка (М., 1977): *кован(н)ый*, *дерган(н)ый*, *пуган(н)ый*, *держан(н)ый*, *мазан(н)ый*, *резан(н)ый*, *вязан(н)ый*, *комкан(н)ый*, *таскан(н)ый*, *ткан(н)ый*, *ломан(н)ый*, *клепан(н)ый*, *трепан(н)ый*, *щепан(н)ый*, *щипан(н)ый*, *копан(н)ый*, *штопан(н)ый*, *купан(н)ый*, *щупан(н)ый*, *игран(н)ый*, *дран(н)ый*, *стиран(н)ый*, *тесан(н)ый*, *чесан(н)ый*, *писан(н)ый*, *кусан(н)ый*, *катан(н)ый*, *латан(н)ый*, *печатан(н)ый*, *болтан(н)ый*, *кутан(н)ый*, *путан(н)ый*, *пахан(н)ый*, *мешан(н)ый*, *кладен(н)ый*, *краден(н)ый*, *студен(н)ый*, *пряден(н)ый*, *клеен(н)ый*, *глажен(н)ый*, *сажен(н)ый*, *бережен(н)ый*, *цежен(н)ый*, *жжен(н)ый*, *стрижен(н)ый*, *соложен(н)ый*, *морожен(н)ый*, *лужен(н)ый*, *гружен(н)ый* и т.п. на *-анный* и *-енный*. В основном это прилагательные, образованные от наименований производственных процессов, в результате которых был произведен (сознательно! мастерами своего дела!) определяемый продукт. Особняком стоят слова *званный*, *нехоженный*, *езженный*, *дранный*, *рванный* и некоторые др. — именно потому, что они не относятся к данной семантической группе. Для этих слов с трудом можно представить себе возможность дальнейших производных с *-нн-*, потому что такие прилагательные либо остаются относительными, либо степень выражаемого ими качества не может быть уточнена в отношении субъекта-производителя данного качества. Так, не говорят **рванная мною рубашка* (хотя в экспериментальном порядке и можно было бы подробнее, с рассмотрением прагматики, проанализировать это искусственное высказывание). Прилагательное *бранный* имеет свою «пару» *бранный*, но эти слова очень разошлись по своим лексическим значениям, ср.: *браная скатерть* и *бранные доспехи*, *бранное слово*. Во втором случае производящим является имя *брань* в разных значениях, но само оно также восходит к причастию от глагола *братися* (*бороться*).

Полностью разрешить противоречия между академической, исторической и школьной грамматикой невозможно, но если школьная грамматика будет несколько ближе к исторической (например, вновь назовет *-ся* при глаголах частицей, как и *-бы* при союзе *чтобы*, *-ли* при союзах *если*, *или*, *-бо* при союзе *ибо*, *-же*, *не-* и *ни-* при разных частях речи), то трудностей с объяснениями правописания станет меньше.

Из всего вышеизложенного следует, что нецелесообразно делать поспешный вывод о завершении процесса опрощения, то есть слияния двух суффиксов, *-(e)н-* и *-н-*, в один. В огромном большинстве случаев ситуацию с написанием *-(e)н-н-* можно интерпретировать как двухсуффиксальную и придать осмысленность добавлению второго *-н-*. Равным образом, следует более тщательно оговорить случаи сохранения одной *н* в стилистическом, словообразовательном и грамматическом отношениях; рекомендовать сопоставлять употребления бесприставочных форм с приставочными.

Орфография словоформы показывает ее происхождение, предысторию и стилистическую значимость. Все эти ресурсы языка показывают его внутреннюю форму, которую не только необходимо учитывать теоретически, но и полезно применять к объяснению орфографии практически. Добавление второго *-н-* не есть чисто фонетическое удвоение согласного звука. *-Н-* является суффиксом имени прилагательного с чередованием *-ен-// -н-// ноль* звука. При этом должен действовать принцип школьной грамматики: в кратких формах решение

принимается в пользу причастия, в полных формах — в пользу прилагательного. «Производственные» термины типа *тканый* и отдельные разговорные слова типа *смышленный* будут составлять исключение, но гораздо более компактное, чем исключение из правила о «причастиях» на *-нный*, среди которых **более половины** оказываются прилагательными либо свободно употребляются как прилагательные и по академической грамматике.